

СЕКРЕТЫ РУССКОЙ
ДУШИ

Андрей
ГЕЛАСИМОВ

ХОЛОД

Роман в трех действиях с антрактами

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г31

Оформление серии *А. Саукова*
Иллюстрация на переплете *И. Хивренко*

Автор признателен Гору Нахапетяну за то, что на благотворительном аукционе 7 февраля 2010 года тот приобрел право, согласно которому один из персонажей этой книги будет назван именем его жены Лилии Ли-ми-ян. Средства, вырученные от продажи лота, перечислены в благотворительный фонд помощи хосписам «Вера».

Геласимов, Андрей Валерьевич.
Г31 Холод : роман в трех действиях с антрактами / Андрей Геласимов. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Секреты русской души. Проза Андрея Геласимова).

ISBN 978-5-699-78236-9

Когда всемирно известный скандальный режиссер Филиппов решает вернуться из Европы на родину, в далекий северный город, он и не подозревает, что на уютном «Боинге» летит прямиком в катастрофу: в городе начались веерные отключения электричества и отопления. Люди гибнут от страшного холода, а те, кому удастся выжить, делают это любой ценой.

Изнеженному, потерявшему смысл жизни Филе приходится в срочном порядке пересмотреть свои взгляды на жизнь и совершить подвиг, на который ни он, ни кто-либо вокруг уже и не рассчитывал...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-78236-9

© Геласимов А., текст, 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Надежде посвящается

«Who'd ever thought that Hell
would be so cold?»

Tom Waits. «Lucinda».

«Откуда было знать, что Ад —
это крошечный холод?»

Том Уэйтс. «Люсинда».

Действие первое

ЗАМОРОЗКИ

В обморок лучше всего падать в хвостовом туалете «Боинга-757».

Неплохо, конечно, завалиться с унылым лицом где-нибудь на пляже или на диване среди мягких подушек, но если ни песка, ни дивана в нужный момент не подвернулось, то лучше туалета в хвосте «Боинга» места уже не найдешь.

Каморка настолько тесная, что никто ничем не рискует. Слушаем обычные в такие моменты звонки у себя в голове, привычно им удивляемся, после чего мягко складываемся и сползаем по стеночке. Если стоим лицом к унитазу, колени упрутся в него, поэтому гигиеничнее повернуться к белому другу бочком. Тогда ноги сами собой фиксируют нас, упираясь в панель умывальника, и мы затихаем на полу в позе эмбриона.

Лайнер мчит нас над облаками, в проходе к туалету образуется очередь, стюардессам пора вывозить свою тележку с едой, а мы блаженно отсутствуем. Нас нет ни в салоне самолета, ни в собственном теле, ни в стране грез. Мы нигде, и наша внезапно осиротевшая оболочка со скоростью почти девятьсот километров в час летит спиной

к тому промерзшему странному городу, где протекла половина то ли нашей, то ли ее жизни.

В посадочном талоне, который лежит в кармане нашего сильно измятого пиджака, указано имя Eduard Filimonov, однако даже оно почти не связывает нас и опустевшее скрюченное тело. Усталая пожилая девушка за стойкой регистрации рейса ошиблась, набирая фамилию, а тот, кто знал правильный вариант, не сказал ей об этом. Он еще не был уверен в том, что вообще полетит. Да и говорить было больно. Губы почти не слушались.

* * *

— Эй, как вас там! Режиссер! Проснитесь, пожалуйста...

Кто-то сильно тряс Филиппова за плечо.

— Вы меня слышите? Восемь вечера! Просыпайтесь! На самолет опоздаете.

Филиппов оттолкнул чужую мерзкую руку и попытался спрятаться под одеялом. Но одеяла на нем не было. В следующую секунду он понял, что вынырнул из небытия в самое жуткое, самое бесчеловечное похмелье. От обиды на себя Филиппов застонал.

— Только не надо прикидываться, — сказал мерзкий голос, прилагавшийся к мерзкой руке. — Ничего у вас не болит. Утром еще скакали по всей квартире. И не надо меня пинать, пожалуйста... Сами же просили вас разбудить. Я уже такси вызвала. Вам в Домодедово, правильно?

Филиппов хотел приподнять голову, но головы на нем тоже не было. Вернее, она была, но чья-то чужая. Кто-то забыл на нем свою голову — гадкую, липкую, непослушную. Чужая голова не приподнялась. Все остальные органы и части тела немедленно присоединились к этому параду суверенитетов. Желудок требовал отнести его туда, где можно стошнить; лоб умолял, чтобы в него больше не лили раскаленный свинец; язык и гортань мечтали об айсбергах; а руки скромно хотели дрожать и покрываться испариной. Филиппов чувствовал себя как Советский Союз в девяносто первом году. Он распадался на части. Всё это было как будто он умер, только намного хуже.

По поводу смерти Филиппов годам к сорока понял, что, уходя, он просто станет равен себе приходящему, и перестал активно напрягаться на эту тему. До сорока напрягался, но потом отпустило. Ведь не было его, такого замечательного, талантливого и неповторимого до определенной точки во времени, до двух закорючек в календаре. Точно так же не будет и после другой цифры. Он просто выйдет за скобки, и уравнение будет решено. А решить уравнение — значит найти его корни. В этом смысле он сравнивал себя со старым хитрым китайцем, который рыщет по горам в поисках каких-то волшебных корешков. Нашел корешок — уравнение решено. А вместе с ним и бессмертие. Потому что после смерти Филиппов собирался лишь уравниваться с тем существом, которого не было тут сорок два года тому назад, которое тусило до момента рождения непонятно где и уж наверняка ни о какой

смерти не заморачивалось. Он планировал просто поставить знак равенства между собой и этим прикольным, ни на что не заморачивающимся существом. Вся разница для него между тем, что было до скобок, и тем, что будет после них, состояла теперь в десятке-другом остающихся после него фотографий, которые несомненно были зло, потому что никому ведь не приходило в голову рыдать над ними или вставлять их в траурные рамки до твоего рождения — скажем, на том основании, что тебя еще нет в этом мире, и что все вокруг заждались, а ты никак не появляешься на белый свет. Это уже потом они взяли моду. Привыкли, что ты в зоне доступа, и про знак равенства им невдомек. Так что смерти как таковой Филиппов почти не боялся. Похмелье было страшней.

— Вы будете вставать или нет? Что я скажу таксисту?

Поразмышляв о своем уходе, Филиппов смирился с необходимостью жить и постарался собрать все восставшие органы воедино. Даже самая шаткая консолидация возможна лишь при наличии сильного лидера.

— Где я? — выдавил он, преодолевая невыносимый для любого другого индивидуума приступ тошноты.

— В прихожей, — злорадно ответил мерзкий голос.

Филиппов разлепил то, что у него осталось вместо глаз, и обвел этим то, что удалось обвести. В поле зрения попало совсем немного — фрагмент стены, обклеенной старыми фотографиями; бело-

курая прядь, очевидно принадлежавшая мерзкому голосу; спинка кожаного дивана, на котором он, собственно, и проснулся. Точнее, пришел в себя. Диван действительно стоял в огромной прихожей. Филиппов сумел понять это со второй попытки. Прямо напротив темнела массивная входная дверь.

— Может, хватит щуриться? Я сама, что ли, таксисту буду платить?

Филиппов призвал граждан своего внутреннего отечества к мужеству и уцепился рукой за спинку дивана. После двух-трех колебательных движений, в результате которых желудок едва не заявил о своем добровольном выходе из состава федерации, Филиппову удалось найти точку консенсуса. Он замер в более-менее вертикальном положении, слотнул сухую слюну, оглядел свой безнадежно измятый костюм и перевел взгляд на то, что говорило мерзким голосом.

— Ты кто?

— Ну, спасибо.

— Не могла, что ли, пиджак снять?.. Он, между прочим, от Burberry.

— Вы сами не дали. Сказали, что вам будет холодно.

— Могла бы... пледик какой-нибудь принести...
А где все?

— Кто все?

— Ну эти... Кто тут живет...

Ночные люди вспоминались расплывчатым безликим пятном. Никого из них Филиппов прежде не знал. Даже то, каким образом он очутился на этой вечеринке, ускользало от него, едва брезжило

в опухшей, воспаленной, сильно заплывшей памяти. В голове у него мелькали обрывки какой-то невероятно гадкой эмтивишной мелодии, от которой очень хотелось избавиться, но мотивчик не отпускал. Человеческие пятна дружно крутились под эту тошнотворно бодрящую музыкашку, и его собственная тошнота незаметно совпала с общим ритмом.

— Где туалет? — успел спросить он.

— По коридору налево, вторая дверь.

* * *

Следом за слухом и зрением к нему наконец вернулись и запахи. Обоняние чуть запоздало, но быстро наверстало свое. Филиппов, не ожидая новых подвохов, вяло плескал воду из-под крана в свое пластиковое, совершенно онемевшее лицо, как вдруг его настиг удушливый запах паленой шерсти, и он снова ринулся к унитазу. После приступа жутких конвульсий, кашля и слез ему удалось выдать на сверкающий фаянс жалкую каплю желчи.

— Надо было съесть утром хоть что-нибудь, — сказал ему внутренний голос.

— Да пошел ты, — ответил голосу Филиппов, и ответ его прозвучал весомо и гулко, усиленный чашей унитаза.

Сам себя в этот момент он вдруг ощутил маленькой Алисой, которая заглядывает в кроличью нору, прислушиваясь к звукам собственного голоса и удивляясь бесконечности пространства, скрывающегося за черной дырой. Одинокая капля

желчи нерешительно скользнула в бездонные глубины канализации, а Филиппов все никак не мог подняться с колен, как будто скользнул туда следом за нею. Правда, вместо сумасшедшего шляпника, ухмыляющегося кота и в хлам обкурившейся гусеницы ему неожиданно явился демон пустоты. Он ржал над ним, требовал наполнения, новых вечеринок, новых людей, односолодового вискаря, дорогой жратвы и эмтивишных нон-стоп мелодий.

— Полжизни бухаешь, — глумился демон над Филипповым. — А кто тебе это время вернет? Думаешь потом как НДС на таможне его получить? Явился в аэропорт вылета, предъявил чеки, показал купленное шмотье — и распишись в получении? Нет, чувак, не прокатит. Половину второй половины жизни ты спишь...

— Да пошел ты, — повторил Филиппов, обрывая ладонью нитку горькой слюны, которая тягуче свисала у него из угла рта и никак не хотела кончаться. — Достал...

— Сам достал, — заржал демон, со свистом скрываясь в таких таинственных недрах, какие Льюису Кэрроллу и не снились.

Откуда-то снова вдруг нанесло запахом паленой шерсти. Филиппов содрогнулся, не в силах выдавить из себя еще хоть что-нибудь, и боль, порожденная этим тщетным усилием, осветила его мозг подобно сигнальной ракете. Стали видны самые дальние, самые темные закоулки, а запах швырнул его в далекое прошлое, когда он с родителями приезжал к бабушке на праздник убийства свиньи.